

Юрий Пыль

ПРЯНИКИ

Юрий Пыль

Пряники

«Издательские решения»

Пыль Ю.

Пряники / Ю. Пыль — «Издательские решения»,

Пряники — это десерт, но с небольшой горчинкой. А в целом здесь и любовь, и авантюра, и приключения. Жизнь — одним словом. Это только кажется, что в обычной жизни нет места приключениям и авантюрам. Прочитайте и увидите в героях и действиях знакомых, соседей, друзей, а то и себя любимого.

Содержание

Красный конь	6
Ария шарика	12
Лапоть	16
Конец ознакомительного фрагмента.	23

**Пряники
Рассказы
Юрий Пыль**

© Юрий Пыль, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Красный конь

*Один человек сказал мне, что он
хотел бы превратиться... в крысу.
Разговор шёл о войне, быть может,
последней для человечества.
Так вот, тот человек хотел выжить
в этой войне, ведь говорят, будто
выживут одни крысы.
Я бы предпочел обратиться в камень.*

Скрип открываемых ворот заглушил хриплое дыхание запаленной лошади. Высокий, добродушного вида бородач, в кольчуге и с непокрытой головой ожидающе смотрит в багрово-грязное лицо всадника.

– Ты что ль, Ермил? – негромко спрашивает он.

– Пусты к князю, Данило, – прохрипел Ермил и покачнулся на круглой спине неоседланной лошади.

– Чего там?

– Оставьте!

Данила протянул руку и подхватил легкое тело Ермила, так и не удержавшегося на коне.

Он повел его к широкому, поросшему муравой двору к дому. Сбегалась дворня, из-под высокого резного крыльца рыкнул огромный рыжий пес.

– Цыц! – топнул ногой Данила и опустил Ермила на траву.

Неловко повернувшись, тот утвердился на коленях, упершись в них руками. Глаза его, сойдясь у переносья, смотрели в землю перед собой.

Белявый отрок вскочил на крыльцо, бухнула дубовая дверь, и вот уже сам князь, взявшись за резной столб рукой, вперил настороженный, ждущий беды взгляд в обросший светлым волосом затылок гонца.

– Князь, князь-батюшко! – толкнули Ермила в бок.

С хрустом распрямилась спина гонца, красные, гноящиеся от пыли и бессонницы глаза встретились с сине-грозовыми очами князя.

– Враг у реки! – выдохнул Ермил.

– Врёшь, вестник! – вскричал князь.

– Враг... – голова гонца упала на грудь, и Ермила боком повалился в траву, ударившись плечом о древко Данилиного копья.

– О, Господи, помоги рабу твоему! Прости, Господи, за гордыню и грехи тяжкие. Главный грех прости, Боже – Лидию.

Князь, огромный, светловолосый, стоял перед иконой Спасителя, слегка склонив голову и четко выговаривая слова, обращенные к единственному, с кем мог говорить откровенно. Широко перекрестясь, он повернулся и шагнул из домашней молельни, плотно прикрыв за собой дверь.

Половину высокой светлой горницы занимал отливающий стружечной желтизной стол на толстых тумбах вместо ножек.

На лавке за столом, смиренно сложив руки перед собой, сидел маленький смуглый человек. Его темно-коричневая с рыжим отливом ряса, подвязанная по поясу лыком, ниспадала складками на скамью и пол.

– Что, князь! – глухо молвил человек, не поднимая глаз. – Тяжко! К Господу обращаешь взор свой и мольбы...

– Мой взор всегда обращен к Господу нашему, – прогремел под сводами голос князя.

– Да, да, да, да... – мелко закивал головой черноризник. – Только чем тебе поможет Господь, коли...

– Все в руках божьих.

– ...коли, сам ты от помощи отказался и никому не помогаешь.

– Молчи, чернец, – устало молвил князь.

Тяжелая дверь грохнула, и зазвенела тишина в горнице.

Конь мягко ступал по разбухшей земле, листья нежно шептались над головой, терпкий запах ивовой коры пронизывал воздух, касаясь ноздрей, и будил кровь в жилах.

Тяжка доля княжеская, у всех князь на виду. То, что дружиннику простится или даже замечено не будет, для князя грех великий.

Но смертны князья и слабы, как всякие человеки.

Не давал князь воинов братьям на подмогу – спросил ли кто-нибудь его, – почему? Нет, все винили в гордыне непомерной и корысти черной. Была гордыня? – Была и есть. Но не корысть.

И как тут не быть гордыне, коль не на совет братский князья-братья звали, а велели спешно всю дружину им в помощь гнать, да со своим съестным припасом. Князь себя равным среди равных почитал и обращения достойного ждал. Подумав, рассудил: подмоги братьям не слать, воев своих сбережь – может, в этом корысть?! – а посему в случае беды ничьей помощи не ждать и не принимать.

Грех?

Гре-ех!

В том и каялся перед Вседержащим.

Главный же грех: Лидия.

И каялся в нем князь и замирал весь при мысли о нежных руках, любимых и любящих глазах, о тонком стане и пахнущих парным молоком губах.

Думал, не знает никто об этом, кроме Бога, да как не знать, коли два уже года раз в неделю ездит князь с малой дружиной в усадьбу купца византийского, обосновавшегося в землях русских с дочкой своей, и дворней, и торговлей всей. Рассылает Гость караваны во все концы и к себе принимает из многих стран купцов, выгоду большую получает, оттого и княжеской казне доход.

А больше того князь получает в беседах мудрых с Гостем и дочкой его Лидией. Книги князь читает, европейскими великими умами выдуманные и писанные, и ума набирается. Лидия же те книги русскими буквицами переписывает на желтоватой бумаге гусиным пером. И в строках, ею писанных, черпает он мудрость. А большую мудрость, счастьем прозываемую, черпает он в любви к прекрасной византийке.

Князь не торопил коня, скованный предчувствием скорой встречи с Ней. Он поднимал руку, касался ею своего лица и слышал горячий, исступленный шёпот: л-любимый!

Непривычное, не слышанное прежде слово это приводило самого князя в исступление. Он привставал в стременах, весь наклонившись вперед, но не гнал коня, стараясь подольше сохранить острое чувство ожидания встречи...

Дружинники, ехавшие следом в некотором отдалении, разговаривали, громко смеялись чему-то, и князь добро думал о них: смейтесь, несчастные, вы не постигли того, что испытываю я, вы не встретили ту, к которой бы стремились ваши сердца, иначе бросили бы своего князя, забыв о страхе и долге, зная только одну радость – радость встречи с ней, радость слияния воедино тел ваших и душ.

А тревога точит сердце: враг у реки.

Двор Гостя, окруженный густым садом, сам был сплошным садом из цветов, не виданных на Руси. Ров и частокол, ограждающие усадьбу от лихих людей, казались лишними, чуждыми и саду, и цветам, и самому дому, выстроенному из белого камня, с высокими оваль-

ными окнами разноцветного стекла, с остроконечными башенками по углам, и под стать они были только мрачному воину, упрятанному в черное железо, неотступно охраняющему вход в жилище.

Латник этот, знавший старого друга своего хозяина – князя, несмотря на внешнюю мрачность, был веселым человеком. Из-под забрала лукаво глянули его черные глаза, и сверкнули белые зубы, он что-то пробормотал на картаво-мягком южном языке и лихо пристукнул древком алебарды о железное плечо своего костюма.

– Здрав будь! – улыбнулся ему князь и, кинув повод подбежавшему дружиннику, бросился в дом.

Предстояла еще встреча с Гостем, разговор о делах и планах, о погоде, видах на урожай, о кочевниках, опустошающих дальние пределы, а теперь подступившихся к родным рубежам. Потом чай – ароматный напиток, не похожий ни на что русское. И постоянно вопрошающий взгляд из-под седых кустистых бровей.

О чем он вопрошал – этот взгляд?

О том ли, о чем вопрошали взгляды дружинников сегодняшним утром после получения известия о враге?

О чем вопрошали глаза матери и всех матерей, встретившихся ему по дороге?

Взгляд жены, молящей об одном: сохрани нас – супругу свою, Богом данную, и деток малых, спаси от грязных рук врагов твоих, от петель их и плетей!

Может быть, и взгляд Гостя молил о том же, о спасении его и его дочери, прекрасной Лидии, поселившихся на земле русской, вдали от суеты европейской и смуты, в надежде на покой и безопасность среди дремучих лесов и ягодных полян, на берегу тихой и чистой речки, наполненной плеском рыбы на утренней и вечерней зорьках, в остальное же время омывающей только солнечные лучи либо перебирающей тонкие лунные нити.

Спасу вас! Или умру! – рвался голос из груди.

Но древняя гордость русича не давала словам родиться раньше Дела.

Так и остались слова несказанными, но понятыми собеседниками.

И прежде, чем дверь дальней – её – горницы успела затвориться за спиной, губы его ощутили сладкий огонь ее губ, тело его коснулось ее тела, руки его сплелись с ее руками, раскаленным зигзагом вонзилась в пол у их ног молния, обдавая жаром и льдом, морской волной и колючим ветром, Давшая крылья и забравшая силы, чтобы на этих крыльях подняться к солнцу...

У любви немного слов.

Любимый, – одно дыхание.

Ладушка, – в самое ухо.

Милый...

– губы в губы.

Желанная...

Год прошел или день, вечность или мгновение?

Солнце спрятало свои лучи, оставив их наедине, луна краем глаза глянула в верхний угол окна и, устыдившись своего любопытства, смежила веки-тучи, оставив ради любви всю Землю в непроглядной тьме, и в этой тьме встретились те, кто не мог найти друг друга днем...

И прошло-промелькнуло отмерянное им время, и сомкнулись их глаза для краткого отдыха...

Красный конь нес их с бешеной скоростью сквозь дым и жар вперед, к пропасти, откуда рвались языки жадного пламени, руки князя все крепче прижимали трепещущее тело Лидии, и вот он – край, за которым вечная близость, единение без разлук и тревог. А конь все несет их, и край пропасти отдаляется и опять приближается, пробуждая тревогу и тоску.

– Враг у рубежа, – молвили его губы.

Знаю, – сказали две капли влаги, выкатившиеся из ее глаз.

– ...Зачем людям воевать? – слова с трудом продирались сквозь плотно сжатые пересохшие губы.

– Люди не знают любви и счастья и находят утешение в крови...

– Люди, не знающие счастья, хотят лишиться его других людей. Это не справедливо!

– Так устроена эта жизнь.

– Надо дать счастье всем, не имеющим его, и тогда наступит мир.

– Ни один смертный не может дать счастье всем.

Заря, разноцветно заглядывающая в окна, проводила их усталым взглядом в рабочую горницу, незаметно скользнула следом, осветив разбросанные по столу листы желтоватой бумаги, длинное гусиное перо, лежащее поперек одного из листов, глиняный сосуд с чернилами и большую морскую раковину-песочницу. Забытые свечи оплыли и погасли, похожие на свесившиеся с крыш сосульки.

«Мир дан людям Богом, – прочитал князь. – Также как любовь и счастье. Дьявол наслал на землю зло, зависть, корысть – все, чем наделен сам. Зло рождает зло.

Смирение и доброта рождают мир и счастье. Дающий добро получает плоды добра. Сеющий зло – получает всё...»

– Я не дал воинов братьям моим для войны. Добро ли я делал? Да, скажу я, но добро, данное мной моим воинам, принесло зло братьям моим. Это зло родило зло для меня. Я должен сполна вкушать плоды посеянного мной зла.

– Ты победишь...

– И принесу зло побежденным...

– Но это зло рождено **ими**.

Они прощались недолго, но так будто навсегда.

Гость долго стоял у ворот, провожая князя своим вопрошающим взглядом, пока последний всадник не скрылся в лесной чаще.

Утренняя свежесть скоро сменилась душастым зноем, от дороги поднималась липкая пепельная пыль, оседая на руках, одежде, сбруе. Из лесу раздавались вороньи крики, тоскливые и зовущие.

Сегодняшний день будет днем расставаний. Он увидится с княгиней, чтобы попрощаться и тут же покинуть свой дом.

Князь никогда не сравнивал жену с Лидией, он просто знал, чувствовал разницу. Он видел, что княгине, в силу ее врожденной вялости, жизнь не приносит никакой радости.

Только любовь к детям – трем княжатам-погодкам – делала ее живой, Да вот эта теперешняя, нависшая над всей **их** жизнью беда, пробудила чувства. Но чувства эти были как чувства всякого живого существа при приближении опасности.

Жалость охватывала князя всякий раз, когда он думал о жене, так и не увидевшей счастья. Пусть в этом виновата она сама. Виновата ли? Что ж делать, коль душа ее обделена от рождения любовью к жизни, а с детства впитанные с молоком матери высокомерие и деловитость не дают ей взглянуть на мир другими глазами – широко и открыто?!

Добра ли она? По-своему добра. Но добро для нее – это глоток воды жаждущему, кусок хлеба голодному, крыша над головой бездомному. Она никогда не думала и подумать не могла, что добром может быть и взгляд, и слово, и прикосновение.

Думал ли и знал ли об этом сам он?

Не думал, но знал, чувствовал.

Не только и не просто страсть влекла князя в дом Гостя и Лидии, в ее темных глазах он увидел тогда, два года назад, нечто влекущее к себе, в ее руках почувствовал щедрость, а в сердце ее столько доброты, сколько хватило бы на целый мир.

И свою жизнь князь готов был отдать за обеих, одной – за то, что она мать его детей, и за то, что она, сама не ведая, потеряла его душу и сердце, другой... Другой – за нее самое, за то, что она есть на свете...

Его княжата – баловни и непослухи – с радостным визгом встретили отца у ворот, верхами на неоседланных лошадях, без охраны и без оружия, не ведающие об опасностях, подстерегающих в жизни, и поэтому счастливые.

И за них он готов был отдать свою жизнь.

И за старух, сидящих на завалинках домов.

И за детей, играющих во дворах и на улицах.

И за мать свою.

И за всех матерей.

Все это был его народ, а он своему народу – отец.

И пришел его час.

Падали под стрелами кочевников молодые и старые дружинники, крестьяне, русичи, вооруженные кто тяжелым копьём и острым мечом, а кто и топором или оглоблей. Но прежде, чем упасть, каждый из них лишал жизни десятерых врагов. Словно выросли ноги русских воев в родную землю и не отступить, не уйти – победить. Либо пасть там, где стоишь. Но неисчислимы полки вражеские. И князь стоит, могучей скале подобный, один с сотней врагов сражается, и видит, как гибнут один за другим его воины.

И чем реже становились ряды воев его, тем сильнее ярость теснила грудь его и умножала силы могучего тела его.

Рать русская, окруженная несметными ордами вражескими, билась от первого луча солнца и до той черты, когда в крови и дыму и смраде погасла вечерняя заря.

И павших все.

Только никак не могли одолеть враги Князя Великого.

Волнами бились они о его грудь, наполненную силой всех погибших за землю свою, и откатывались, поредевшие.

Но вот тяжелый камень, пущенный из пращи, ударил князя в левый висок, и огромное копьё с конским хвостом под наконечником ударило в спину и вышло из груди. И упал князь на колени и стал клониться к земле.

Народ мой! – вскричал он беззвучно. – Как я оставлю тебя! Что будет с тобой без меня?!

И снова силы влились в тело воина, вырвал он копьё из груди, вдохнул глубоко, поднялся с колен и, глядя залитыми кровью и потом глазами на колышущуюся стену врагов, поднял свой меч, взмахнул им, и образовалась в стене брешь, взмахнул еще раз, и не стало стены, и свежий воздух наполнил грудь умирающего русича.

И появился перед взором его чернец, упавший на колени и воздевший к небу руки.

– О Господи! Спаси нам отца нашего!

И красный конь понесся вперед сквозь дым и огонь к пропасти, и руки князя сильнее и сильнее прижимали тело любимой...

Враг не напал на город. Обуянный страхом, в дыму, пыли, грохоте повозок, в зное и смраде уходил он в свои пустынные безрадостные степи.

И на стоянках, когда кочевники задерживались слишком долго, видели они появившегося ниоткуда огненного коня и князя на нем с раскаленным мечом в поднятой руке. С мрачным грохотом конь несся на дикое племя, будя в них ужас и покаяние.

И все дальше и дальше катилась орда от земель русских, оставив позади горе и плач, на которых выросли новые города и в них новые богатыри, добрые душой, но не прощающие зла.

А на желтоватом листе бумаги в рабочей горнице Гостя византийского появилась последняя запись, начертанная рукой Лидии:
«Война убила мою любовь...»

Ария шарика (невыдуманная история)

Федор Штоколов гордился не только своей фамилией, но и именем.

– Федор – это от Шаляпина, – говорил он, – а Штоколов – это Штоколов!

Смеялся, конечно, народ, да и сам Федор смеялся, потому что человек такой – веселый, смешливый, и говорил все шутейно.

Но по-настоящему он гордился своей профессией тракториста, потому как профессия эта делала Федора самым нужным человеком с весны и до весны. Тем более, что человек он был не жадный, ставка у него твердая и не только на все времена года, но и на все виды услуг. А услуги простые: огород вспахать, дрова там, навоз привезти, зимой – снег отгрести.

Вот, к примеру, огороды весной соседям надо вспахать. В связи с инфляцией ставки у разных ООО всякий год, а то и месяц, растут, а тут подходят к Федору: огород, дескать, надо вспахать, сколько возьмешь?

– У меня ставка одна, – солидно отвечает Федор, и добавляет: – в валюте.

– Сколько же это? – испуганно вопрошает потенциальный клиент.

– Литр, – кратко отвечает Федор.

– За сотку?

– Да, не-е – за всё, – Федор говорит без выпендрежа, просто, как факт.

За что его и уважали не только односельчане, но и дачники, которых развелось на селе больше, чем самих селян.

Но и обижались некоторые, в основном, конкуренты, такие же трактористы как он. Однако не били, трактор не взрывали, в топливный бак песок не подсыпали – как заведено в конкурентно-капиталистическом мире. Может, не привыкли еще, не влились в рыночную экономику, а может, из-за покладистого и веселого Федькиного характера. Он же этот литр со своими конкурентами и распивал.

Как бы-то ни было, постоянная такса Федора и стубила. Пил, то есть он сильно. Каждый день. Жене его, Вере, это не нравилось. Да и какой жене понравиться, если разобраться.

Короче, думала она думала, ходила по разным там экстрасенсам, да бабкам, испробовала разные средства – а Федька пьет как пил, да еще песни распевает, как оглашенный, он же Штоколов, да еще Фёдор, почти Шаляпин. Вера как песню, какую услышит, в основном арии оперные или там «Дубинушку», да еще под аккомпанемент тракторного мотора, то знает – Федька домой возвращается. Не то, чтобы он буянил, скандалил или еще что иное, но какой бабе понравится, коли мужик каждый вечер пьяненький. Хотя, чего плохого-то, если разобраться?!

Одним словом, решила она использовать последний способ, услышанный ею от старой шорской шаманки – специально ведь в Таштагол ездила, бабку эту разыскивала. А способ простой: у собаки хвост отрубить да в вино крови с хвоста накапать и мужику того вина выпить дать – вроде как сразу пить бросает. То есть совсем.

Взяла она бутылку «Кагора» – церковного, между прочим, вина – о-хо-хо! – вино в шкаф поставила и момента ждет подходящего.

А тут как-то в субботу Фёдор с работы рано вернулся, поддатенький, конечно, но не шибко, негромко так поет: «Эх, дубинушка, ухнем...»

Вера его пение услышала, быстро во двор, Шарика за шкирку и топором шмяк по хвосту, кончик, правда, только отрубила, жалко пса-то своего, крови – кап-кап – накапала с хвоста в поллитру и в дом. Шарик визжит, аж «Дубинушку» забивает, но в конуру залез, затих постепенно.

А вот и Федька, в избу заходит, сапоги стаскивает, носки в угол бросает и за стол.

– Что-то я, Вер, оголодал сегодня и устал, а?!

– Феденька, – Верка перед ним стелется, уговорить же мужика надо, – может, с устатку винца выпьешь?

– А что – водки-то у нас нету? – спрашивает Федор, а уж у него в голове мысли ворочаются: «Чего это Верка сегодня расщедрилась-раздобрилась – сама вина предлагает?..»

– Да нет, Федя, вино только и есть, – Вера ему мягко так отвечает.

Опять вопрос: то все лаялась да гавкалась, а тут вдруг – ласка такая.

– Вер, – говорит Фёдор, – ты бы капусточки, что ли принесла, да, может вместе и выпьем, – у него же своя мысль крутится да никак не закрутится – время надо на обдумывание.

– И правда что, Федь, – смиренно говорит Вера, а сама тоже размышляет, что ей, дескать, вино это с кровью собачьей не навредит, а ради дела...

В погреб пошла.

А тут дочка в избу забежала, папку увидела, обрадовалась.

– Папа, ты что так рано-то нынче? – бутылку на столе увидела. – Пап, а мамка сегодня хвост Шарик утрубила, он что у нас породы какой-то?

– Да нет, доча, – отвечает Фёдор, – он породы дворняг, таким хвосты да уши не обрубает, – тут какое-то подозрение в душу к нему закралось. – Ну и что?

– Что – что?

– Дальше-то что мамка с хвостом сделала? – уже с тревогой спрашивает Фёдор.

– А ничего, она крови с хвоста в бутылку капнула, а хвост в огород кинула...

То ли Фёдор слышал об этом антиалкогольном методе, то ли черт его дернул, короче, налил он в стакан вина из бутылки, да и выпил. Услыхал шаги Веркины в сенцах, ещё стакан, да и туда же...

Дочка во двор побежала, а он под стол.

Одним словом, заходит Вера в дом с банкой капусты и видит: бутылка стоит на столе почти пустая, а Фёдор – Федька-то ее разродимый из-под стола на нее глаза таращит, язык высунул и ...гавкает.

Верка, конечно, женщина сильная, крестьянского характера, в обморок не упала, но все же ей несколько дурно сделалось.

Ну и первое душевное движение, само собой, – в контору, к телефону. Вызвала она «скорую», а там ее спрашивают:

– А что с мужем случилось?

– Гавкает, – простодушно отвечает Вера, а сама не верит, что ей поверят, – прямо вот лает, как Шарик...

– Какой Шарик?

– Собака у нас – Шарик.

– А, – голос на другом конце провода, – так вам в ветлечебницу надо...

– Какую ветлечебницу! – отчаянно завопила Вера. – Муж у меня гавкает, лает он.

– Понятно, понятно, гражданочка, вы не волнуйтесь так. – У него раньше такое случилось? – спрашивает диспетчер.

– Не, раньше он только пел.

– Что пел?

– Ну, арии там разные, «Дубинушку». Как Шаляпин.

– Понятно, понятно... гм... На учете состоит? – опять спрашивают ее по телефону.

– Да нет, вроде, – говорит неуверенно Вера, потом вспоминает, – А состоит, состоит...

– Где?

– В военкомате состоит, – облегченно говорит Верка.

– Хорошо, – спокойно, хотя и недовольно говорит голос, – высылаем бригаду.

– Какую бригаду? – спрашивает Вера, да только слышит гудки.

Она, конечно, домой, Фёдора же собирать надо, заходит, а он, голубчик, сидит за столом, вино допивает и капустой заедает.

– Ты где это, Вер, ходишь? – с улыбочкой говорит он. – Я уж тебя не дождался, извиняй.

– Феденька, милый! – заголосила Верка. – У тебя прошло все?

– Чего прошло? – как ни в чем не бывало, косит Фёдка пьяным глазом.

– Да лаял ты, Фёдь, – присела на табуретку Вера, – так лаял, я испугалась, «скорую» вызвала.

«Во как!» – подумал Фёдор.

– Ты что, Верка, сдурела что ли? – спрашивает он. – Тебя ж оштрафуют сейчас...

– За что?

– За ложный вызов, дура! – Фёдор засуетился, сделал вид, что волнуется, заодно вино допил. – Что же делать-то?

– Вот что, Вер, – сделал он умное лицо, сурово посмотрел жене в глаза. – Давай-ка в шкаф – быстро.

– Зачем, Фёдь?

– Чтобы не оштрафовали, балда, – он засуетился, забегал, закрывая и открывая разные двери и дверцы, даже в тумбочку заглянул. – Ты что не понимаешь! Ты что семью обезденежить хочешь! По миру пустить?!

Пока суетились, руками хлопали, слышат, сирена воеет – «скорая». Да не просто «скорая», а психбригада едет, это уж потом точно узнали, когда приехали. Фёдка жену в платяной шкаф засунул, дверцы прикрыл и сидит, капустой хрустит.

Ну, заходит врач, щупленький такой, но зато с ним два амбала в белых халатах, морды кирпичом и руки наготове.

– Что случилось? К кому вызывали? – засыпал щуплый вопросами.

– Да что случилось, беда случилась, – вежливо так и с сожалением отвечает Фёдор – морда у-умная...

– Короче! – говорит один из амбалов. – Кого забирать?

– Да я не знаю, – опять же Федор с сомнением говорит, – может, и забирать не надо.

– Вы не стесняйтесь, – щуплый, – говорите, как есть, а мы разберемся...

– Чего разберемся, – зарычал второй санитар, – мы что зря столько ехали!

– Беда, одним словом, – с надрывом говорит Фёдор, а сам на санитаря с укоризной смотрит. – Жена у меня задурила, Верка...

– Как задурила-то?

– Да все прячется куда-то, то на чердак залезет, то в шкаф заберется, боится, что ли кого?!

Щуплый очки снял, он в очках был, протер стекла, внимательно и очень серьезно посмотрел на Фёдора.

– Дело не шуточное, – помолчал и очень мягко спросил: – А сейчас-то она где, голубчик?

– Да вот опять в шкаф забралась, сидит там, – развел руками Фёдор и указал глазами на шкаф, где сидела ни жива, ни мертва Верка.

Не прошло и секунды, как амбалы извлекли Веру на свет божий, и не успел Фёдор слова сказать, как щуплый всадил ей укол в руку.

Верка, которая до этого пыталась вырваться из рук амбалов и что-то там кричала, в один момент обмякла, заулыбалась и мирно пошла под руки с двумя санитарями к выходу.

Фёдору, конечно, было не совсем хорошо, когда Веру увозили из дому. Чувство мести как-то сразу ушло из души, и он уже пожалел, что так жестоко пошутил, особенно, когда увидел враз опустевшие Веркины глаза и бессмысленную улыбку после укола, но и поделывать ничего

не смог, руки-ноги не шевелились, то ли от таких быстрых действий санитаров-амбалов, то ли от испуга – а вдруг и его так схватят, скрутят и увезут.

На второй день, на трезвую голову у него на этой самой голове волосы зашевелились – что ж наделал-то! – собственную жену, мать их дочурки (да и любил он обоих, как оказалось, очень сильно) в дурдом, в психушку отправил!

А ещё и дочка вопросы разные задает.

А ещё и соседи вдруг интересоваться стали: где ж это Верка-то пропадает?

А ещё и пить расхотелось.

После обеда сел Федька на свой «Беларусь» да и двинул в город – благо он под боком был.

Главврач – мужик полный, седой и с добрыми, как у тихопомешанного психа, глазами, на просьбу Фёдора отдать жену ответил коротко:

– Сорок пять дней.

– Чего сорок пять дней? – Уже догадываясь, оглушено спросил Фёдор.

– Курс у нас – сорок пять дней, – мягко улыбнулся главный врач.

– Понимаете, – начал Фёдор, – это я пошутил так...

И рассказал всю историю.

Врач и в самом деле оказался добрым, Фёдора выслушал внимательно, посмеялся в меру, потом запросил историю болезни, полистал, что-то уловил в закодированных врачебных закочурочках, вызвал Веру, поговорил с ней, хоть и заторможенной, а потом, в нарушение им же установленных правил и, наверное, медицинских предписаний и указаний сверху, Веру выписал.

А Федька с тех пор не пьёт. Почти.

Но именем и фамилией своими по-прежнему гордится. И арии исполняет. Даже трезвый. И Верке это нравится.

Лапоть

Всё было как всегда по пятницам. Начальник отдела майор Трегубов перелистывал отчеты участковых, время от времени задавал вопросы присутствующим. Те отвечали, он листал дальше. Дошла очередь и до Лаптева.

– Что, капитан, как всегда? – Не поднимая глаз, спросил Трегубов.

– Что-то не так, господин майор? – В свою очередь спросил Лаптев.

– Всё не так, Лаптев, – майор так и не поднял взгляд на Лаптева, продолжая вчитываться в пункты отчета, – опять у вас административная практика на нуле. Что у вас на участке перестали пьянствовать, хулиганить, ссать за каждым углом?!

– А, вы об этом, – махнул рукой Лаптев, – я же вам уже сто раз объяснял...

– Ты погляди, объяснитель каков, – Трегубов наконец-то взглянул на Лаптева, поправив очки на носу, – ты кто такой, чтобы своему начальнику объяснять, да разъяснять? А?

Лаптеву, конечно, было смешно всё это, уж сотый раз по одному кругу с начальником ходят. У них просто подход разный к службе, у начальника служебный, а у него, Лаптева, человеческий. И где-то логичный. Чётко понимая, что в глубине души Трегубова сейчас закипает гнев, даже ненависть к нему, а у коллег по цеху растёт желание расхохотаться, Лаптев, тем не менее, не удержался и нудным голосом начал:

– Согласно приказам Министра, а также постановлениям Правительства и где-то даже Президента Российской Федерации, собственно, на основе которых, и рождаются приказы Министра внутренних дел, – он передохнул и с не меньшей занудливостью продолжил, – Первой, – он поднял палец, – наипервейшей задачей, стоящей перед сотрудниками органов внутренних дел, является задача сокращения преступности и повышения раскрываемости этой самой пресловутой преступности. Вот. – Он строго посмотрел на Трегубова. А почему бы на него строго не смотреть, он хоть и майор уже, а по возрасту Лаптеву в сыны годится. Ну, не в сыны, так в племянники. Начальником вот, правда, назначили.

– Вы, Лаптев, здесь демагогию не разводите. Я задал вам конкретные вопросы, так вы и ответьте конкретно.

– Хорошо, господин майор, – Лаптев устало вздохнул. – Должен сказать честно. Я работаю на своем участке столько лет, что каждую собаку знаю, не то, что человека. Так вот: уровень преступности на моём участке самый низкий по городу, посмотрите сводный отчет, так? Так. – В кармане завошкчался мобильный, Лаптев, не теряя мысли, вынул телефон из кармана, мельком глянул на номер звонящего, тут же выключил звук и продолжил. – Теперь раскрываемость: девяносто девять и девять десятых процента. Не скажу, что это моя личная заслуга, опер у меня хороший за участком закреплен. Отличный опер.

Начальник сидел со скучающим видом, слыхивал, дескать...

– Мне кажется, что вам, товарищ начальник...

– Так всё-таки, товарищ или господин? – скучающе перебил его Трегубов.

– Что? – встряхнулся Лаптев. – А! Не привыкну никак. Раз полиция, стало быть, господин.

Все захихикали. Трегубов настойчиво смотрел в бумаги.

– Продолжайте, продолжайте, господин-товарищ Лаптев, – буркнул он.

– Так вот, – прокашлялся Лаптев, – Взгляните с точки зрения Министра, Правительства и Президента державы. Взгляните и увидите.

Народ в кабинете потихоньку хихикал, майор сидел молча, но теперь уже смотрел на Лаптева. И смотрел очень многозначительно.

– Да-а! – Протянул Лаптев. – А насчет, где кому ссать, у меня и, правда, такой проблемы нет, я с помощью органов местного самоуправления, прям за каждым углом, как вы вырази-

лись, и поставил биотуалеты. И они не закрыты на болты с гайкой, как во многих местах, а работают. – Он помолчал секунду. – Вы бы руководству намекнули, дескать, надо с мэрией этот вопрос решать, а то ведь скоро ступить негде будет, кроме моего участка. Да вы ведь и сами руководство. Поди...

– Да кто ж с нами разговаривать будет? – Махнул рукой начальник.

– А вы бы в депутаты подавались... – усмехнулся Лаптев. – Щас, как раз выборы намечаются.

Майор внимательно посмотрел на него, помолчал.

– Хорошие мысли вам иногда приходят в вашу... голову...

«Наверное, хотел сказать, *в пустую голову*» – подумал Лаптев.

Офицеры гурьбой вышли из кабинета начальника, потянулись на улицу, на ходу вытаскивая из карманов сигареты и зажигалки.

– А вот зря ты, Данилыч, – раскурив сигарету, сказал капитан Нартов, старый приятель и коллега Лаптева, – опытом древних участковых не поделился.

Коллеги стали подтягиваться к ветеранам. Лаптева остановила Валя из секретариата.

– Данилыч, зайди, тебе почта.

– Пошли в курилку, – сказал кто-то из офицеров, – а то зам по тылу опять ворчать будет.

Пошли в курилку. Лаптев, забежал в секретариат, получил письмо-жалобу на Горбача, мельком прочитал и присоединился к остальным. Двор управления был, в самом деле, чистенький, словно его только что умыл утренний дождик. Его каждое утро убирали «указники» – лица, осужденные на пятнадцать или меньше суток за мелкое хулиганство. Да ещё солнышко так светило, прям в глаза – окурок стыдно бросить, где попало.

– Чего ты там вспомнил-то, Лукич? – пробормотал Лаптев, – напомни.

– Да, помнишь, мы на сборах участковых были...

– Во, вспомнил! Тому уж четверть века прошло, – буркнул Лаптев.

– Короче, мужики, дело было так, – начал Лукич, – мы с Данилычем были на сборах в облцентре. Аж четыре месяца, – он повернулся к Лаптеву, – Может, ты сам расскажешь?

– Давай, давай, Лукич, у тебя здорово получается.

– Ладно. Значит, на втором месяце нас послали на практику. Мы ж кто были? Так, сосунки, ни бе, ни ме, ни кукареку. Пацаны, то есть.

– Ага, пацаны, – не сдержался Лаптев, – в армии уж отслужили...

– Ладно, тебе, – мы ж, главное, жизни ни хрена не знали, что там армия: подъём, отбой, столовая, плац, строевая... – Лукич задумался мечтательно. – Классно было, в общем-то. Не надо ни о чём думать, решения какие-то принимать. Тебе сказали – ты пошёл...

– Да пошёл ты, Лукич, – не выдержал кто-то из офицеров, – жизнь нашёл.

– Да я так, в порядке ностальгии, – улыбнулся Лукич.

– Короче, – начал Лаптев, – я понял и вспомнил о чём речь, – он помолчал, – гадкий случай. Мы практику проходили в райотделе, нас к участковому опытному приставили. Вот. – Он опять помолчал. – Пошли мы с ним по его участку, опыта набираться. Там пивнушка была, сейчас «Цыплята табака». Такая же рыгаловка, собственно, только название сменилось. Так сейчас хоть нужник в ней, в смысле, в рыгаловке, есть. А тогда ни хрена не было. Угол был. На улице. Ну, скажите, люди пиво пьют литрами, куда им деваться-то? За угол, конечно. Подходим к пивнушке, лейтенант, участковый, в смысле, опытный, заводит нас за этот самый угол, а там мужик в норковой шапке это самое, opravляется...

– Сыт, то есть, – вставил кто-то из компании.

– Ага, – покосился Лаптев на сказавшего, – ты бы покультурней что ли.

– Как в том анекдоте что ли? – вставил вопрос Лукич.

– Короче, лейтенант этот подходит к мужику, снимает шапку у него с головы, норковую шапку-то, и прям под струю подставляет.

Лаптев даже замолчал от возмущения.

– Ага, – встрял Лукич, – а потом шапку на голову мужику одевает...

– Да ты чо! – Кто-то аж встал. – Ну, сволочь!

– Я ж и говорю, – мрачно сказал Лаптев. – Сволочь! А ты, – обернулся он к Лукичу, – пример! Говённый пример-то.

– Да я так, для начальства... – пробормотал Лукич. – А у тебя что за почта, может, помочь?..

– На Горбача опять жалоба, – буркнул Лаптев, – пьянка, дескать, бомжи ходят. Чего помогать-то, сам управлюсь.

– Смотри, – Нартов поднялся.

Подошло время расходиться по участкам, проверять благонадежность граждан, а также соблюдение паспортного режима, санитарно-гигиеническую обстановку, наличие номерных знаков на домах и ещё тысячу и одну вещь, за надлежащим состоянием которых надлежит надзирать участковому.

Лаптев шёл не спеша – не двадцать пять, поди, лет-то. Замечал всё: окурки, фантики, шелуху от семечек, брошенную, где попало. Смотрел хозяйским глазом на группки парней и девчонок, пьющих всякие там энергетические напитки, появившиеся в магазинах и киосках неизвестно откуда. Вот ведь беда: ничего в стране не было, а тут вдруг такое появилось, о чём раньше и знать не знали. Да, ладно, лишь бы не хулиганили.

Устал, естественно, к вечеру, никаких опять протоколов не составлял, никого в участок не тащил – не за что было, а все равно устал. Годы...

Позвонил домой.

– Мань, – сказал жене, – я скоро дома буду, к Горбачу заскочу вот...

– Да уж, ты без Горбача не можешь.

– Мань, порядок – есть порядок. Да буду я скоро.

Что ж Маня, она всё понимает: считай, тридцатник почти на участке отпахал, разное бывало. Бывало, и по двое суток пропадал, когда в какую-нибудь засаду отправят. Не в том, анекдотном милицейском смысле, что, дескать, где-то засаживал, а в прямом, в настоящей засаде на преступников сидел сутками. Всяко бывало.

Хоть и вечер, а лето же – светло, тепло, сейчас бы на речку с удочкой, в крайнем случае, с тем же Лукичом бутылочку взять, огурчиков малосольных, да на бережок. Э-хх! Идти надо. К Горбачу.

Горбач – это не просто содержатель притона, это личность, широко известная, как говорится, в узких кругах. Не авторитет, ясно, вор там, в законе или что иное, но к нему стекалась всякая шваль. Шваль-то шваль, конечно, но иногда появлялись и серьёзные фигуры, находящиеся, например, во всероссийском розыске. А то и в международном. А как с притонами бороться? Только каждодневным надоеданием, посещением, проверкой документов у присутствующих граждан, а то и вывозением этих самых граждан в околоток. Чтоб не тянуло, стало быть, опять в эту квартирку опасную.

Хотя сам Веня Горбач – человек безобидный, безвольный, потому – пьющий, а поскольку ни семьи, ни работы не имел, а жил на инвалидную пенсию, да на то, что посетители принесут, то сюда-то и повадились всякие бездомные граждане, либо любители выпить в тепле, да в безопасности. Вот эту безопасность и надо нарушить. Так, чтоб опасно стало сюда ходить – «замести» могут.

Двор здесь шикарный: газоны зелёные, детская площадка, спортивная, приспособления для выбивания пыли из ковров да матрасов. Люди говорят: здесь мэрова дочка живёт, потому и порядок. Что правда, то правда: жила здесь дочка мэра несколько лет назад. Так вот и не живёт уж сколько лет (в элитный дом по соседству переселилась), а в доме и во дворе – порядок. Может, по привычке...

Одна беда: общая, кстати, на сегодняшний день для всех российских дворов – машинами всё забито, каждый свободный пяточок, даже и на газоны кое-где залезают. Знал капитан Лаптев, что у многих автомобилистов гаражи имеются, да лень ходить туда-сюда каждый день: утром в гараж, вечером из гаража. Раньше жуликов боялись, так запирали своих «ласточек» под двадцать замков, да ещё сигнализацию включают. Все одно, правда, воровали, но все-таки сложнее было. Сейчас, благодаря бескомпромиссной борьбе органов правопорядка, вот и его, капитана Лаптева тоже, опасность угонов снизилась, водители стали вести себя смелее, а дворы оказались забитыми, мимо не пройдёшь, чтобы за какой-нибудь бампер не зацепиться.

Правда, с «гаражным синдромом» стало полегче. Раньше ведь как: соберутся мужики в гараже, выпьют по сотке-другой, побалагурят, да кто-нибудь ещё в магазин сбегает, добавят (как там у Высоцкого: «выпили, добавили ещё раза, тут нам истопник открыл глаза...»). Домой мужики идут, естественно, под градусом. А тут ведь не только семейные скандалы, а и по дороге может что случиться: иль на мужика кто наткнётся, иль он на кого. Потом разборки, штрафы, а то и «пятнашка» – те самые пресловутые пятнадцать суток за мелкое хулиганство. Сейчас хоть попроще стало, не колобродят эти «синдромные» по дворам и улицам. Не то, чтобы совсем, но всё-таки...

На дорожках, пересекающих двор по диагонали, стояли скамейки, на скамейках бабушки, на лужайках внуки резвятся, бабули лясы точат.

– Здорово, бабки! – Остановился он возле одной из лавочек.

– Сам такой, – не задумываясь, ответила одна – Ирина Германовна.

– Ага, молодой наш, – добавила вторая – Галина Николаевна.

Лаптев присел на краешек скамьи.

– Ну что новенького в вашем царстве? – Закуривая сигарету, спросил он.

– Ты чего это раскурился тут! – Возмутилась Ирина Германовна.

– Да я ж не в себя, – хихикнул Лаптев, – да урна рядом. Я же аккуратный.

– Ладно, кури уж, – милостиво сказала Галина Николаевна, – пока дети далеко.

Лукич рассказал пару свежих анекдотов, вместе посмеялись, женщины обрисовали оперативную обстановку во дворе и в доме. Ничего, особенного, не происходило, двор у них благонадежный, вот только у Веньки опять какие-то люди, из форточек вон дым табачный валит, да сивухой аж сюда доносит. Но не шумят.

Капитан уж встал, когда Ирина Германовна спросила:

– А ты, Данилыч, как-то бурчал чуть не на весь двор, что выселять надо Веньку-то. – Она строго посмотрела на Лаптева. – И что?! – Грозно добавила она.

– Ох, беда, бабоньки, – вздохнул Лаптев. – По Конституции все граждане имеют право на жилье, кроме определённых ситуаций, естественно. – И опережая возмущение собеседниц, добавил. – А ситуация... необходимая ещё не сложилась. Он, кстати, за жильё и коммуналку первый раз вовремя не уплатил...

– Эх, – махнула рукой Галина Николаевна, – нет у нас власти...

Капитан возражать не стал, тоже махнул рукой и пошел к Веньке Горбачу. Хорошо хоть, как ни странно, притоны все располагаются на первом этаже. В пятьдесят-то не шибко по лестницам побегаешь, особенно, если, к примеру, лифт не работает.

Дверь в подъезд была открыта, в замок вставлена щепочка.

«Вот, блин, и кодовые замки!», – горько подумал Данилыч.

А вот дверь в квартиру Горбача оказалась заперта. Как ни странно. Капитан настойчиво постучал, звонок не работал. Через минуту дверь открылась. На пороге стоял сам хозяин: маленький, взлохмаченный, перекошенный, ноги коленками вовнутрь – прям кузнечик. Из-за этой своей калечности Венька и получал инвалидную пенсию.

– У тебя топор есть? – Не здороваясь, спросил участковый.

– Какой топор? – безумно выпучил глаза Венька.

– Ну, подвесить к потолку... Дым-то у тебя из окон валит, сейчас пожарные подъедут... – Лаптев шагнул в квартиру, отодвинул Горбача, прошел в комнату.

В квартире стоял кислый запах, густо замешанный на табачно-махорочном дыму.

– Вы где махру-то нынче берете? – Поморщился капитан.

– Да не, Данилыч, – склонил голову набок Венька. – То не махра, сигареты дешёвые просто.

В кухне видны кучи пустых бутылок, на столе окурки в консервных банках, полиэтиленовые пакеты.

В комнате за столом мужичок в майке-тельняшке, руки в змеях и кинжалах, на пальцах перстни разной конфигурации и с разным количеством точек. Всё это, само собой, синего цвета, поскольку выколото. Качественно так выколото. Из дальней спальни раздаются женские стоны-всхлипывания и мужское рычание.

– Ну что, Веня, делать-то с тобой будем? – привычно спросил Лаптев, усаживаясь на более-менее чистую табуретку в стороне от стола.

– А что опять, старшой, – неожиданно густым басом вымолвил мужичок в тельняшке, – мы же не шумим, ведем себя скромно, если выпили, – он широким жестом провёл над столом, с недопитыми бутылками какой-то бормотухи, – так не в общественном же месте, а?

– Ты погляди, грамотные мы, какие! – Воскликнул капитан как бы изумленно. – Ты, кстати, кто такой будешь, сын отечества?

Ответ не успел последовать, поскольку из спальни раздался львиный рык, совмещённый с женским вскриком.

– Что там у тебя, Венька? – строго взглянул Лаптев на хозяина притона.

– Да-а, – протянул Горбач, – как тебе сказать...

– Говори, как есть, – нахмурил брови капитан.

На стене, прямо над столом висел большой кусок ватмана, а на нём чёткими мазками портрет мужчины. Лицо, изрезанное морщинами, благородное, как у какого-нибудь капитана дальнего плавания... Или – корсара. Тяжелый подбородок, синие глаза.

Горбач не успел ничего сказать. Из спальни, на ходу натягивая джинсы, вывалился здоровенный мужик лет тридцати.

Данилычу не требовалось времени, чтобы вытащить из планшета ориентировку, сравнить фотографию с лицом мужика, он его просто сразу узнал. Зорич. Человек, два месяца назад погрузивший город в страх своей бессмысленной, какой-то тупой садистской жестокостью. Тогда вся полиция города плюс прикомандированные из областного УВД оперативники разбрелись по районам в поисках этого человека. Патрулировали, переодевшись в гражданское и имея при себе табельное оружие, а также фотографии маньяка, железнодорожный и автовокзал, рынки, вино-водочные магазины, ну и, естественно, перешерстили все притоны, в том числе и квартиру Горбача, и всех, хотя бы шапочно, знакомых Зорича. Он тогда пропал, как в воду канул. Это тоже вызывало разные слухи и домыслы, более похожие на фантастику.

Не исключалось, что Зорич снова выйдет на тропу войны, на ежедневных рапортах наряду с другими новыми и старыми ориентировками прочитывалась и ориентировка по Зоричу. Руководитель непременно добавлял в конце инструктажа, что Зорич жив, очень опасен и может встретиться сотрудникам полиции в любой момент. Именно его физиономия была изображена на куске ватмана, висевшего на стене, облагороженная рукой художника,

но не настолько, чтобы его не узнал капитан Лаптев. Кто-то ведь повесил, не Горбач же. Никак сам Зорич, подчеркивая свою крутизну и в целях запугивания собутыльников. Вот, дескать, я сам ничего не боюсь, а вы, сявки, бойтесь.

В ту жуткую для некоторых людей ночь Зорич, человек, дважды судимый за убийство и причинение тяжких телесных повреждений, просто пил. Пил в компании таких же, ранее сидевших за решеткой людей, в такой же, примерно, квартире, что и у Горбача. Потом вдруг начал с ними скандал и ударил одного из собутыльников ножом в живот. На него кинулись, конечно, но кроме ножа он имел ещё и могучее телосложение, отличную реакцию, а главное, абсолютную безжалостность к противникам. Он был в кураже. В блатном таком, да ещё и кровавом кураже. Он увидел кровь, почувствовал её запах и, как зверь, уже не мог остановиться. В той малине он порезал троих, одного на смерть, двоим проломил головы табуреткой и ушёл на улицу. На улицы. Далеко за полночь забрёл в ещё одну малину, там долго издевался над хозяйкой, ханыжной женщиной, привязал её к двери, долго метал нож в дверь, истыкал женщину, не очень, правда, глубоко. До утра он бродил по городу, находил редких людей, резал ножом.

Его кореша полицию, естественно, не вызывали по причинам корпоративно-блатного характера, а те, что встречались на улицах, просто не успевали позвонить, сообщить, оповестить. Сообщали они о маньяке уже в больнице, кто до больницы дожил... Одним словом, тревогу подняли только утром, объявили «перехват» и все иные возможные операции, город взяли под контроль, но Зорича будто и след простыл. Исчез.

И вот – нарисовался. И как поступить капитану Лаптеву в такой ситуации – неизвестно. В голове закрутилось, завьюжило, мысли прыгали с одного на другое. Собственно, выбора-то особого не было. Брать надо Зорича. Как? Вот вопрос. Помощи от тех, кто сейчас в квартире, ждать не приходится. Наоборот, могут из страха тому помочь. Любить-то или даже уважать они его не могут, а вот боятся... Позвонить бы...

– Слушай, Зорич, – заговорилось само собой, не зависимо от воли Лаптева, – ты, что ли – югослав? Вон и Горбач тоже.

Одной фразой он показал, что узнал, с кем имеет дело, и одновременно – полное спокойствие.

Зорич с интересом рассматривал участкового, молчал, склонив голову набок, будто птица. Даже рот слегка приоткрыл. Может, от наглости этого полицейского, крепкого ещё на вид, но никак не конкурента могучему Зоричу, даже если с оружием. Оружием-то ещё воспользоваться суметь нужно.

– Сам ты – югослав, – буркнул Зорич и обратился к Венке, – Вень, ты представь мне мента что-ли...

Лаптев тут же поправил бандюгана.

– Ты зря меня ментом зовёшь, Зорич, мы теперь полицейские.

– Тю-ю, – заулыбался Зорич, – какая разница, чем бутерброд мазать, маслом или икрой.

Сиди уж...

– Это участковый наш, Толь, Пал Данилыч Лаптев, – проямлил Венка Горбач, – он человек не злой, так ты садись за стол-то...

– Ну, ты, Веничка, даёшь стране угля, – Зорич ощерился и шагнул к Лаптеву. – Может, и участкового со мной за стол позовёшь? Ты, Веничка, ссучился, похоже. По батюшке участкового кличешь, – он помолчал, посмотрел, сощурившись, куда-то мимо участкового, на скалах ходили желваки, – Лапоть он и есть Лапоть...

Было, похоже, что Зорич распалает себя умышленно.

Капитан не пошевелился. Мысли, как блохи, прыгали в голове, ни одна не зацепилась ни за хоть что-нибудь толковое, поэтому, наверное, и члены оцепенели. Подумалось вдруг, что «Веничка» – это так классика алкогольной литературы звали – Венедикта Ерофеева. Надо же!

Зорич – мужик крепкий, на голову выше Лаптева, на двадцать с лишним лет моложе, говорят, когда-то спортом занимался, только каким – неизвестно, вернее, Лаптев забыл. Сам участковый тоже не лыком шит, хоть и пониже и пощуплее Зорича, да в молодости занимался борьбой, но классической, которую сейчас греко-римской кличут. Самостоятельно изучал самбо, потом в школе милиции занимался рукопашным боем. Но это ж когда было... А против лома, как говорится...

Сказать, что он испугался, наверное, было бы мало, у него даже коленка левая (почему-то только левая) стала подрагивать. Но вот показывать это никак нельзя: кто здесь вне закона – он или этот бандюган. Да и с Венькой дальше тоже работать придётся, а как работать, коли сейчас вот в штаны наложишь?

Получалось, что для себя он подсознательно решил: Зорича сейчас брать надо, да с достоинством, чтоб в глазах остальной бродяжной братии себя не уронить – с ними и дальше общаться придется. Общаться с позиции власти. Одним словом, надо и Зорича повязать и лицо сохранить. Живым ещё желательно остаться.

Зорич шагнул к Лаптеву решительно, а Лаптев также решительно выхватил из кобуры пистолет. Он бы, может, и выстрелить успел, ну, в смысле, снять с предохранителя, передернуть затвор, нажать на курок... На курок он нажимать не стал, поскольку это и не пистолет вовсе был, а так – зажигалка газовая. Напугать хотел бандита. Не получилось. Зорич не знал, что пистолет не всамделишный, тем не менее, прыгнул как лев, ударил капитана пудовым кулаком в голову.

Дальше Лаптев ничего не видел и не чувствовал. Очнулся связанный, вернее, привязанный к стулу кусками скотча, рот, хоть и небрежно, тоже залеплен тем же скотчем.

За столом сидели те же и Зорич. Он хватал руками квашеную капусту из фарфоровой тарелки, бросал в рот, работая челюстями так, будто не ел неделю. Мужичок в тельняшке покурил «Приму», поглядывая в сторону спальни. Венька Горбач сидел понурый.

– Что, Юнга, – обратился к мужику в тельнике Зорич, – охота бабу-то? Давай, пока не поздно. Сейчас похаваем и за участкового возьмёмся. Ох, и оторвусь я сегодня. Благодарите его. Я бы на вас, может, отрывался, да на этой бляди сопливой, но вот нашелся же добрый человек, решил вас выручить, сам припёрся к нам в шалман.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.